Правовая природа договора ОСАГО в системе гражданско-правовых договоров

Галиев Эльнар Фанзилович
аспирант, Московский университет «СИНЕРГИЯ», alnar@inbox.ru

В статье проводится комплексный анализ правовой природы договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации. Исследуются классификационные признаки данного договора: возмездность, двусторонне обязывающий характер, публичность, свойства договора присоединения и договора в пользу третьего лица. Особое внимание уделяется доктринальной дискуссии о реальности или консенсуальности договора страхования, соотношению частноправовых и публично-правовых элементов в конструкции ОСАГО. Рассматриваются существенные условия договора, субъектный состав и роль Российского союза автостраховщиков. Исследуются позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Анализируются реформы 2017–2025 годов. Сделан вывод о том, что договор ОСАГО представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую свойства частноправового договора и инструмента реализации публичной функции государства по защите потерпевших.

Ключевые слова: ОСАГО, договор страхования, гражданско-правовой договор, обязательное страхование, публичный договор, страхование ответственности, страховое возмещение, правовая природа, потерпевший, страховщик.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО) занимает уникальное положение в системе российского гражданского права: он одновременно представляет собой частноправовой договор и инструмент реализации публичной функции государства по защите потерпевших. Ежегодно в России заключается свыше 37 млн договоров ОСАГО, а объём рынка в 2024 году составил 331,9 млрд рублей, что делает его крупнейшим видом обязательного страхования. Правовая природа данного договора остаётся предметом научных дискуссий: доктрина не выработала единой позиции по вопросам его реальности или консенсуальности, соотношения частноправовых и публично-правовых элементов, определения защищаемого интереса. Между тем квалификация договора ОСАГО имеет не только теоретическое, но и практическое значение, влияя на применимый режим правового регулирования и пределы судебной защиты.

Нормативной базой регулирования отношений в сфере ОСАГО служат положения главы 48 ГК РФ, посвящённой страхованию, а также специальный Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ, закрепляющий обязательность страхования гражданской ответственности лиц, эксплуатирующих транспортные средства (далее – Закон об ОСАГО) и подзаконные акты Банка России, в первую очередь Положение от 01.04.2024 № 837-П. Как отмечает С.М. Ковалевский, правовое регулирование ОСАГО представляет собой многоуровневую систему, в которой нормы ГК, специального закона и подзаконных актов образуют сложную иерархию [7, с. 45].

Понятие и место договора ОСАГО в системе страховых обязательств

Легальная дефиниция ОСАГО, содержащаяся в ст. 1 одноимённого Закона, характеризует его как страховое обязательство, в рамках которого страховая организация за уплаченную страхователем премию принимает на себя обязанность компенсировать ущерб, нанесённый жизни, здоровью либо имуществу пострадавших лиц, в границах установленной страховой суммы. Определяя систему координат данного обязательства, следует указать, что в соответствии с п. 2 ст. 929 ГК РФ страхование деликтной ответственности относится к категории имущественного страхования, а нормы ст. 931 ГК РФ детализируют данную модель. Следовательно, договор ОСАГО включается в систему имущественного страхования в качестве обязательной разновидности страхования ответственности за причинение вреда.

В ряде работ обосновывается многоуровневая классификационная принадлежность рассматриваемого договора: на первом уровне он входит в родовую категорию имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ), на втором – в видовую группу страхования гражданской ответственности, на третьем – конкретизируется как договор, направленный на покрытие деликтной ответственности (ст. 931 ГК РФ), что принципиально отграничивает его от конструкции страхования договорной ответственности (ст. 932 ГК РФ). подчеркивается, что данный договор представляет собой правовую форму, опосредующую перераспределение неблагоприятных имущественных последствий дорожно-транспортных происшествий между участниками дорожного движения.

Классификационные признаки договора ОСАГО

Анализ классификационных признаков позволяет выявить многогранную правовую природу договора ОСАГО. По критерию распределения обязанностей он представляет собой двусторонне обязывающий (синаллагматический) договор: страховщик принимает обязательство по осуществлению страхового возмещения, а страхователь – по уплате страховой премии. По критерию возмездности ОСАГО безусловно является возмездным договором (ст. 8, 9 Закона об ОСАГО).

Одним из наиболее дискутируемых вопросов цивилистической доктрины применительно к страхованию остаётся проблема отнесения договора страхования к реальным либо консенсуальным конструкциям. Норма п. 1 ст. 957 ГК РФ связывает начало действия страхового договора с моментом внесения страхового взноса, допуская при этом возможность иного регулирования по соглашению контрагентов. Опираясь на данное положение, М.И. Брагинский аргументировал в пользу реальной модели страхового договора [4, с. 73], полагая, что привязка начала действия к уплате премии свидетельствует о конститутивном значении передачи денежных средств. Договор ОСАГО является реальным и для него отсутствует выбор между моделями.

Вместе с тем Ю.Б. Фогельсон убедительно обосновывает консенсуальную природу договора страхования [8]. Его ключевой аргумент: диспозитивная формулировка оговорка о допустимости иного порядка по воле сторон указывает на диспозитивность правила о начале действия, что концептуально несовместимо с природой реального договора, где передача вещи является обязательным элементом юридического состава. По мнению Ю.Б. Фогельсона, необходимо чётко разделять два юридических факта: заключение договора, происходящее по консенсуальной модели в порядке ст. 432–433 ГК РФ, и вступление его в силу, приуроченное к внесению премии. Концепция развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования 2020 года также склоняется к консенсуальной природе.

Представляется, что позиция Ю.Б. Фогельсона является более убедительной. Диспозитивный характер нормы п. 1 ст. 957 ГК РФ, допускающей иное регулирование по соглашению сторон, действительно несовместим с квалификацией договора как реального, поскольку в реальном договоре передача имущества составляет необходимый элемент юридического состава, который не может быть исключён волей контрагентов. Применительно к ОСАГО данный вывод подкрепляется практикой электронного страхования, где временно́й разрыв между волеизъявлением сторон и фактическим списанием страховой премии наглядно демонстрирует самостоятельность момента заключения договора и момента его вступления в силу. Кроме того, признание консенсуальной модели позволяет более последовательно объяснить правовую природу обязанности страхователя по уплате премии именно как договорного обязательства, а не как условия возникновения договорного правоотношения.

Принципиально важной характеристикой является квалификация ОСАГО как публичного договора (абз. 8 ст. 1 Закона об ОСАГО). Как следствие, к нему применяются правила ст. 426 ГК РФ: страховщик не вправе отказать в заключении договора; условия одинаковы для всех страхователей одной категории; цена устанавливается нормативно. Пленум ВС РФ в п. 4 Постановления от 08.11.2022 № 31 подтвердил публичный характер данного договора. Однако ОСАГО имеет существенную особенность: обязанность заключения возложена не только на страховщика, но и на страхователя (п. 1 ст. 4 Закона). Это нетипичный публичный договор с двусторонней обязанностью его заключения – конструкция, не встречающаяся в иных публичных договорах по ст. 426 ГК РФ.

Договор ОСАГО обладает свойствами договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Его условия полностью определены нормативно – Законом и Правилами ОСАГО, утверждёнными Банком России. указывается, что специфика данного договора как договора присоединения состоит в том, что его условия формулируются не одной из сторон, а государством. В доктрине доминирует квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). Потерпевший, не являясь стороной, приобретает самостоятельное право требования к страховщику (п. 4 ст. 931 ГК РФ). А.И. Худяков подчёркивал, что эта конструкция применительно к ОСАГО приобретает специфическое содержание, поскольку круг третьих лиц не определён в момент заключения договора [11, с. 312].

На наш взгляд, именно совокупность указанных классификационных характеристик – публичность, присоединение и направленность в пользу третьего лица – формирует уникальный правовой профиль договора ОСАГО, не сводимый ни к одной из данных категорий в отдельности. Двусторонняя обязанность заключения публичного договора существенно отличает ОСАГО от классической модели ст. 426 ГК РФ и, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости выделения в доктрине самостоятельной подкатегории «публично-обязательного договора», в котором публичная обязанность возложена на обе стороны. Квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица также требует уточнения: неопределённость круга выгодоприобретателей в момент заключения договора принципиально отличает его от конструкции ст. 430 ГК РФ, предполагающей конкретизацию третьего лица. Полагаем, что здесь более точным было бы говорить о договоре в пользу потенциально неопределённого круга третьих лиц – конструкции, заслуживающей самостоятельного доктринального осмысления.

Соотношение ОСАГО с иными страховыми договорами

Принципиальное отличие ОСАГО от добровольного страхования (КАСКО) состоит в объекте страхования: при КАСКО страхуется интерес владельца в сохранности самого ТС, тогда как при ОСАГО объектом являются интересы, связанные с риском гражданской ответственности перед третьими лицами (ст. 6 Закона об ОСАГО). Различается и механизм возмещения: при КАСКО действует суброгация (ст. 965 ГК РФ), при ОСАГО – право регресса к причинителю вреда в строго определённых случаях (ст. 14 Закона). ОСАГО охватывает 85–90% автовладельцев, тогда как КАСКО оформляет лишь каждый пятый, что свидетельствует о различной социальной функции данных институтов. Стоит обратить внимание на принципиальное различие между имущественным и личным страхованием по характеру страхового интереса. При ОСАГО интерес носит имущественный характер и связан с риском деликтного обязательства. А.И. Худяков подчёркивал, что обязательное страхование представляет собой форму ограничения свободы договора в публичных интересах [10, с. 195]. ОСАГО отличается от иных видов обязательного страхования массовостью охвата, степенью нормативной детализации условий и особым институциональным обеспечением. Л.Б. Дешалыт указывала, что данный договор выделяется среди обязательных видов страхования степенью государственного участия в формировании условий [6, с. 24].

Считаем необходимым подчеркнуть, что сопоставление ОСАГО с КАСКО обнаруживает не просто различие в объектах страхования, но принципиально разные функциональные модели: если КАСКО защищает индивидуаль-

ный имущественный интерес собственника, то ОСАГО выполняет социально-компенсаторную функцию, направленную на защиту потенциально неограниченного круга потерпевших. Именно эта социальная направленность, на наш взгляд, обосновывает допустимость и необходимость значительного ограничения свободы договора в данной сфере. При этом низкий уровень проникновения КАСКО (около 20%) по сравнению с ОСАГО наглядно подтверждает, что рыночные механизмы недостаточны для обеспечения всеобъемлющей защиты участников дорожного движения, что дополнительно легитимирует публично-правовой характер обязательного страхования.

Содержание договора и состав его участников

В качестве объекта страховой защиты по договору ОСАГО выступает имущественный интерес владельца транспортного средства, обусловленный возможностью наступления его деликтной ответственности (ст. 6 Закона). Законодатель установил предельные размеры страхового покрытия: применительно к вреду, причинённому жизни и здоровью, – 500 тыс. руб., применительно к имущественному ущербу – 400 тыс. руб. на каждого пострадавшего (ст. 7). Указанные предельные суммы, зафиксированные Федеральным законом от 21.07.2014 № 223-ФЗ, оставались неизменными на протяжении десятилетия, невзирая на значительное удорожание комплектующих для ремонта автомобилей. Что касается временных параметров договора, стандартный период его действия составляет один год, однако законодательные изменения, вступившие в силу со 2 марта 2024 года (ФЗ от 04.08.2023 № 455-ФЗ), обеспечили возможность приобретения полисов с укороченным сроком действия – от одних суток до трёх месяцев (за 2024 год было оформлено порядка 1,1 млн таких полисов). Страховая премия рассчитывается по тарифам Банка России в форме тарифного коридора с применением коэффициентов (КТ, КБМ, КВС, КО, КМ и др.). С декабря 2025 года границы для легковых автомобилей физических лиц составляют 1 399–8 655 рублей.

Субъектный состав отличается сложностью. Страховщиком выступает организация с лицензией и обязательным членством в РСА. С.В. Дедиков указывает, что требование обязательного членства в профессиональном объединении является дополнительным барьером входа на рынок, обеспечивающим финансовую устойчивость системы [5, с. 31]. Страхователь – лицо, заключившее договор, при этом понятие «владелец» не тождественно «собственнику» (Постановление КС РФ от 13.12.2022 № 54-П). Потерпевший, не будучи стороной, наделяется правом требования к страховщику (п. 4 ст. 931 ГК РФ). Определение круга лиц, покрываемых полисом ОСАГО, является одной из наиболее сложных проблем данного института [5, с. 35].

Особую роль играет РСА: ведение АИС ОСАГО, организация прямого возмещения убытков (ст. 26.1), актуализация справочников стоимости запасных частей. Ключевая функция – осуществление компенсационных выплат при банкротстве или отзыве лицензии страховщика (ст. 27), что обеспечивает гарантийную защиту прав потерпевших. К отношениям потерпевших с РСА законодательство о защите прав потребителей не применяется (п. 6 ст. 19 Закона; п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31).

Публично-правовые элементы в частноправовой конструкции

Договор ОСАГО – наиболее яркий пример проникновения публично-правовых начал в частноправовой договор. М.И. Брагинский характеризовал это как проявление «социализации» гражданского права [4, с. 12]. Публично-правовые элементы проявляются в нескольких аспектах. Во-первых, обязательность заключения обеспечена мерами административной ответственности (ст. 12.37 КоАП РФ: штраф 800 руб., с 2025 г. за повторное нарушение – 3 000–5 000 руб.). КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П признал конституционность обязательного страхования, указав на общезначимые (публичные) цели ОСАГО и приоритетность охраны жизни, здоровья и имущества потерпевших.

Во-вторых, условия договора определяются императивно – нормативными актами, а не соглашением сторон. Закон устанавливает страховую сумму, основания выплаты, перечень исключений; Правила ОСАГО детализируют формы полиса и процедуры; тарифы устанавливаются Банком России. КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П указал, что унификация тарифов обусловлена публичной целью и направлена на обеспечение конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ). В-третьих, государственный контроль осуществляет Банк России как мегарегулятор.

При всей значимости публично-правовых элементов договор ОСАГО остаётся гражданско-правовым: он порождает обязательства между частными субъектами, заключается в добровольно-обязательной форме (страхователь обязан заключить, но свободен в выборе страховщика) и подлежит судебной защите в порядке гражданского судопроизводства. Пленум ВС РФ в п. 2 Постановления от 08.11.2022 № 31 указал, что к отношениям по ОСАГО применяется Закон о защите прав потребителей – в части, не урегулированной специальными законами.

На наш взгляд, характеристика договора ОСАГО как «добровольно-обязательного» наиболее точно отражает его дуалистическую природу. Сохранение свободы выбора страховщика при императивности самого факта заключения договора позволяет говорить о том, что законодатель нашёл оптимальный баланс между публичным интересом в защите потерпевших и частноправовым принципом автономии воли. Вместе с тем нельзя не отметить, что степень императивного регулирования условий ОСАГО столь значительна, что автономия воли сторон фактически сводится к минимуму, ограничиваясь выбором контрагента и определением базовой ставки в пределах тарифного коридора. Это обстоятельство, по нашему мнению, обосновывает необходимость квалификации ОСАГО как правового явления, находящегося на стыке частного и публичного права, что требует применения комплексного метода правового регулирования.

Доктринальные дискуссии о правовой квалификации

Центральной является дискуссия о защищаемом интересе. Ю.Б. Фогельсон обосновывает позицию, что при ОСАГО страхуется интерес страхователя, связанный с возможной обязанностью возместить вред [9, с. 315]. Противоположная точка зрения, поддержанная законодателем, состоит в приоритетности защиты потерпевших (ст. 3 Закона об ОСАГО). КС РФ в Постановлении от 31.05.2005 № 6-П указал, что потерпевший является наименее защищённым участником. Ю.Б. Фогельсон и В.В. Рассохин исследовали эту проблему в совместной работе [9, с. 8]. Данная дискуссия влияет на вопрос о применимости Закона о защите прав потребителей к требованиям потерпевшего, не являющегося стороной договора.

Полагаем, что противопоставление интересов страхователя и потерпевшего является в определённой степени искусственным. Договор ОСАГО объективно выполняет двуединую функцию: он одновременно освобождает страхователя от бремени непосредственного возмещения причинённого вреда и обеспечивает потерпевшему гаран-

тированный источник компенсации. Вместе с тем приоритет защиты потерпевших, закреплённый в ст. 3 Закона об ОСАГО и подтверждённый практикой КС РФ, представляется обоснованным, поскольку именно потерпевший находится в наиболее уязвимом положении, не имея возможности повлиять на условия договора и не располагая альтернативными инструментами получения гарантированного возмещения.

Второй дискуссионный аспект – квалификация ОСАГО как договора в пользу третьего лица. Т.Н. Вязовская квалифицирует ОСАГО именно так [4, с. 87], однако данная квалификация имеет оговорки: круг потерпевших не определён при заключении, а сами они не влияют на условия договора, что создаёт проблему асимметрии прав. Третье направление связано с соотношением ОСАГО и деликтного обязательства. КС РФ в Постановлении от 10.03.2017 № 6-П подчеркнул, что обязательное страхование не может подменять институт деликтных обязательств (глава 59 ГК РФ). Потерпевший вправе взыскать с причинителя вреда разницу между фактическим ущербом и страховым возмещением без учёта износа деталей. Это решение сформировало концепцию «двухуровневого» возмещения: страховое по ОСАГО в пределах лимитов и довзыскание с причинителя в рамках деликтного обязательства. Можно прийти к выводу о комплементарном характере этих институтов [10, с. 201].

Разделяя вывод о комплементарном характере страхового и деликтного обязательств, считаем необходимым подчеркнуть, что сформированная КС РФ концепция «двухуровневого» возмещения является значимым достижением отечественной правоприменительной практики. Она позволяет преодолеть ограниченность страхового покрытия и обеспечить потерпевшему полную компенсацию причинённого вреда. Вместе с тем, по нашему мнению, данная модель порождает и определённые проблемы: необходимость для потерпевшего вести два параллельных спора (со страховщиком и с причинителем вреда) создаёт дополнительные процессуальные издержки. Целесообразным представляется законодательное закрепление механизма, позволяющего потерпевшему предъявить единое требование в рамках одного судебного процесса, что упростило бы реализацию его права на полное возмещение.

Реформы последних лет и позиции высших судов

Институт ОСАГО находится в состоянии перманентного реформирования. Введение натуральной формы возмещения (ФЗ от 28.03.2017 № 49-ФЗ) установило приоритет восстановительного ремонта на СТОА над денежной выплатой для физических лиц. Срок ремонта ограничен 30 рабочими днями, износ комплектующих не учитывается. Пленум ВС РФ в пп. 37–56 Постановления от 08.11.2022 № 31 детально разъяснил порядок применения натуральной формы. Индивидуализация тарифов (ФЗ от 25.05.2020 № 161-ФЗ) представляет фундаментальную реформу: страховщики определяют базовую ставку для каждого страхователя индивидуально с учётом нарушений ПДД и стиля вождения.

Электронное ОСАГО достигло доли 73,5% полисов в 2025 году. С 1 января 2025 года запущено электронное урегулирование убытков. Ключевым актом судебной практики является Постановление Пленума ВС РФ от 08.11.2022 № 31, содержащее 139 пунктов разъяснений по всем аспектам ОСАГО. Среди позиций КС РФ особо следует выделить Постановление от 31.05.2005 № 6-П (конституционность системы ОСАГО) и Постановление от 10.03.2017 № 6-П (право потерпевшего на полное возмещение вреда сверх страхового возмещения).

Проблемы и перспективы развития

Ключевой проблемой является нарастающая убыточность: средняя выплата выросла до 116 408 рублей за 11 месяцев 2025 года (+16,3%), тогда как средняя премия снизилась до 7 274 рублей (–4,8%). Причины – рост стоимости запасных частей и конкуренция страховщиков. Проблема мошенничества остаётся значимой: деятельность недобросовестных автоюристов и подставные ДТП генерируют убытки. Вопрос повышения лимитов выплат приобретает остроту: законопроект № 821112-8 о повышении на 30% был отклонён Думой в 2025 году, хотя лимит по европротоколу с разногласиями увеличен с 100 до 200 тыс. рублей.

Перспективным направлением является полная либерализация тарифов. Банк России последовательно расширяет тарифный коридор, стимулируя конкуренцию. Цифровизация переходит на качественно новый уровень: с марта 2025 года запущен эксперимент по контролю наличия полисов с помощью дорожных камер (полномасштабный запуск – ноябрь 2025 года), что должно увеличить проникновение ОСАГО до 95%. Выход России из системы «Зелёная карта» в 2023 году и переход на «Синюю карту» с 1 июля 2024 года свидетельствуют о формировании собственной модели трансграничного страхования.

По нашему мнению, ключевым вызовом для дальнейшего развития института ОСАГО является необходимость сбалансировать две разнонаправленные тенденции: либерализацию тарифов, стимулирующую конкуренцию, и сохранение социальной доступности страхования для всех категорий автовладельцев. Нарастающая убыточность, обусловленная ростом стоимости запасных частей при сдерживании тарифов, создаёт системный риск для финансовой устойчивости страховщиков. Полагаем, что назревшей мерой является пересмотр лимитов страхового возмещения, не менявшихся с 2014 года, с учётом накопленной инфляции и реального удорожания автомобильных комплектующих. Отклонение соответствующего законопроекта в 2025 году представляется недальновидным решением, откладывающим неизбежную корректировку. Кроме того, контроль наличия полисов с помощью дорожных камер способен существенно повысить проникновение ОСАГО, однако его эффективность будет зависеть от технической надёжности системы и адекватности административных санкций.

Самостоятельного рассмотрения требует проблема надлежащего оформления договора ОСАГО в эпоху цифровой трансформации. Гражданское законодательство (ст. 940 ГК РФ) предъявляет к страховому договору требование обязательной письменной формы, нарушение которого влечёт признание сделки недействительной. Исторически сложившейся практикой являлось заключение договора ОСАГО посредством выдачи страхового полиса на бумажном носителе. Вместе с тем распространение дистанционных способов оформления страховки обусловило потребность в легитимации электронного формата заключения договора. Ответом законодателя стали соответствующие поправки в Закон об ОСАГО, закрепившие допустимость составления договора в форме электронного документа (ст. 15 Закона). При этом электронный полис обладает той же юридической силой, что и бумажный, что соответствует общей тенденции цифровизации гражданского оборота.

Важной правовой проблемой остаётся вопрос о соотношении ОСАГО и институтов защиты прав потребителей. Пленум ВС РФ в п. 2 Постановления от 08.11.2022 № 31 разграничил статус субъектов: к отношениям по ОСАГО применяется Закон о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами, однако это касается только тех случаев, когда страхователь является физическим лицом, заключившим договор для личных нужд. Данное разграничение порождает неоднозначную судебную практику, особенно при определении размера штрафных санкций и компенсации морального

вреда, причитающихся потерпевшему, не являющемуся стороной договора ОСАГО. Нерешённость данного вопроса свидетельствует о необходимости более чёткого законодательного регулирования статуса потерпевшего в системе правоотношений ОСАГО.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что договор ОСАГО представляет собой уникальную правовую конструкцию, сочетающую свойства гражданско-правового договора и инструмента реализации публичной функции государства. Он квалифицируется как возмездный, двусторонне обязывающий, публичный договор присоединения в пользу третьего лица, относящийся к подвиду имущественного страхования – страхованию ответственности за причинение вреда. Вопрос о реальности или консенсуальности разрешается в пользу консенсуальной модели с особым правилом о вступлении в силу, что подтверждается Концепцией развития ГК 2020 года.

Нетипичность ОСАГО как публичного договора состоит в двусторонней обязанности его заключения. Дуализм защищаемых интересов (страхователя и потерпевшего) порождает системное напряжение в судебной практике. Реформы 2017–2025 годов свидетельствуют о движении к более гибкой и технологичной модели, сохраняющей социальную функцию защиты потерпевших. Дальнейшее развитие будет определяться темпами тарифной либерализации, цифровизации контроля и пересмотра лимитов страхового возмещения, при неизменном сохранении основного предназначения – обеспечения гарантированного возмещения вреда потерпевшим.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» // Российская газета. 2005. № 120.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 59.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.
4. Вязовская Т.Н. Юридическая природа договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств / Т.Н. Вязовская // Вестник Российского университета кооперации. – 2014. – № 3(17). – С. 85–88.
5. Дедиков С.В. Лица, гражданская ответственность которых застрахована по договору ОСАГО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9. С. 29–40.
6. Дешалыт Л.Б. Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Право и экономика. 2006. № 8. С. 23–27.
7. Ковалевский С.М., Тимофеева Н.Н., Плотников А.В., Шманцарь А.А. Актуальные вопросы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Закон. 2024. № 1. С. 42–55.
8. Фогельсон Ю.Б. Правовое регулирование ОСАГО. Решённые и нерешённые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9. С. 10–28.
9. Фогельсон Ю.Б., Рассохин В.В. Гарантированность возмещения вреда в обязательном страховании ответственности и правовые средства её реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 11. С. 3–13.
10. Худяков А.И., Худяков А.А. Страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 387 с.

The legal nature of the CMTPL insurance contract in the system of civil law contracts

Galiev E.F.

Moscow University «Synergy»

The article provides a comprehensive analysis of the legal nature of the compulsory motor third-party liability (CMTPL) insurance contract within the system of civil law contracts in the Russian Federation. The classification features of this contract are examined: remunerativeness, bilateral binding nature, public character, features of an adhesion contract and a contract in favor of a third party. Special attention is given to the doctrinal discussion on the real or consensual nature of the insurance contract and the relationship between private and public law elements. The essential terms, the subject composition, and the role of the Russian Union of Motor Insurers are considered. Positions of the Constitutional Court and the Supreme Court are examined. The reforms of 2017–2025 are analyzed. It is concluded that the CMTPL contract represents a unique legal construction combining features of a private law contract and an instrument of the state's public function of protecting victims.

Keywords: CMTPL insurance, insurance contract, civil law contract, compulsory insurance, public contract, liability insurance, insurance compensation, legal nature, victim, insurer.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2005 No. 6-P // Rossiyskaya Gazeta. 2005. No. 120.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 10, 2017 No. 6-P // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 59.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022 No. 31 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 1.
4. Vyazovskaya T.N. Yuridicheskaya priroda dogovora obyazatel'nogo strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Legal nature of the compulsory civil liability insurance contract of vehicle owners] // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2014. No. 3(17). pp. 85–88.
5. Dedikov S.V. Litsa, grazhdanskaya otvetstvennost' kotorykh zastrakhovana po dogovoru OSAGO [Persons whose civil liability is insured under the CMTPL contract] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. No. 9. pp. 29–40.
6. Deshalyt L.B. Dogovor obyazatel'nogo strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Compulsory civil liability insurance contract of vehicle owners] // Pravo i ekonomika. 2006. No. 8. pp. 23–27.
7. Kovalevsky S.M., Timofeeva N.N., Plotnikov A.V., Shmancar A.A. Aktual'nye voprosy strakhovaniya grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv (OSAGO) [Current issues of civil liability insurance of vehicle owners (CMTPL)] // Zakon. 2024. No. 1. pp. 42–55.
8. Fogelson Yu.B. Pravovoe regulirovanie OSAGO. Reshyonnye i nereshyonnye problemy [Legal regulation of CMTPL insurance. Solved and unsolved problems] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. No. 9. pp. 10–28.
9. Fogelson Yu.B., Rassokhin V.V. Garantirovannost' vozmeshcheniya vreda v obyazatel'nom strakhovanii otvetstvennosti i pravovye sredstva ee realizatsii [Guaranteed compensation for harm in compulsory liability insurance and legal means of its implementation] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. No. 11. pp. 3–13.
10. Khudyakov A.I., Khudyakov A.A. Strakhovanie grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Civil liability insurance of vehicle owners]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 387 p.